«ПРЯНИКИ» ДЛЯ ПОКОЯ ГОР

Окончание.

Начало см. «Тур в «тесноту» Кугитанга» (http://sreda.uz/rubriki/bio/tur-v-tesnotu-kugitanga/), «Если придут»Чужие»? (http://sreda.uz/rubriki/bio/esli-pridut-chuzhie/

Экспедиция журналистов из Ташкента в Термез и далее к Кугитангскому хребту была задумана, чтобы лучше изучить проблемы буферной зоны Сурханского государственного заповедника. Юридически она отсутствует. Но двух-трехкилометровую полосу от границ заповедника принято считать буферной — охранной, где гасится давление цивилизации на дикую природу. Так ли это на самом деле и что делать, чтобы было так?

Ишак для гостя

Слезая с ишака, я съезжаю под него. Зрители замерли. Я смеюсь, и они хохочут. Для них, и взрослых, и детей, общение приезжих с ишаками — занятный спектакль. Это трудолюбивое животное в их жизни — обыденность. Но городские, а за мной к ишаку выстроилась очередь, «визжат от восторга». Так язвит приметливый коллега и советует местным: «Развивая экологический туризм, обязательно включите для приезжих тур на ишаках». Они склонны считать совет шуткой, не веря, что выгуливание гостя на ишаке по буферной зоне заповедника может приносить доход.

Между тем, играючи, мы придумываем бизнес-план для шалканцев. Спрос на отдых на природе огромный. Многие люди из долины приезжают «дикарями». Нет пока средств на строительство гостевого дома с удобствами, зато реально сделать площадку для палаток. Несложно определить маршруты для пеших походов и прогулок верхом на обожаемых по

мультикам «Иа». Несложно подготовить гидов — знатоков здешней флоры и фауны. Возникнет заминка с написанием буклета о кишлаках и достопримечательностях? Ну так помогут специалисты из совместного проекта ПРООН, ГЭФ и правительства Узбекистана «Укрепление устойчивости национальной системы охраняемых природных территорий путем фокусирования внимания на заповедниках». Сурханский заповедник выбран проектом как модель, и на прилегающей территории можно апробировать все идеи, включая конные маршруты.

Красочен конный выезд инспекторов, который мы, участники медиатура, запечатлеваем на фото- и видеокамеры. Хмурится небо, слегка накрапывает дождь. Травы и цветы по пояс. У одного

всадника — карабин через плечо. Другой смотрит в бинокль: «Что там — браконьерство или пожар?» Позируя, они забывают про съемку: «Что там?»

И мы смотрим в глубь заповедника: не вьется ли дымок? Пожары могут быть в заповеднике естественные, от удара молнии. Но чаще виновны в них браконьеры, среди которых и охотники, и сборщики лекарственных трав, и дровосеки. Огонь за последние тридцать лет в Кугитангских горах прошелся по 10 тысячам гектаров арчевого леса. Если поднимется огонь, его остановить трудно, так как для борьбы с пожарами и техники недостаточно, и доступ затруднен. К счастью, нет ни дыма, ни дымка впереди. Мы же спешим именно вперед, придерживаясь программы медиатура: нам разрешено проехать вглубь заповедника несколько километров до детского лагеря «Нефтчи».

«Нефтчи» существовал и до создания заповедника. Его и еще «Бешбулак» сохранили, потому что находятся лагеря у края Сурханского заповедника. Сделали исключение ради детворы. Мы попали в пересменку, и ее нет, но завтра приедет. Детскими глазами посмотрим на охраняемую территорию. Она находится за двойной металлической сеткой, а через несколько метров страхует еще одна. «Туда, — говорят нам вожатые, — не ходите, там заповедник, а над речкой — двухсотметровая пропасть». Мы не пойдем.

Почему идут местные жители? По неофициальным данным, 200-250 кубометров древесины незаконно вырубается в заповеднике ежегодно. На то есть разные житейские соображения, например, «чем обогревать жилье и на чем готовить еду?». В самом деле, на чем? Кизяк — не

лучшее топливо. Уголь дорог и не завозится, природный газ в горные кишлаки не подведен. Еще одно житейское: «Пусть задержат, а что мне за это будет?». Законодательством предусмотрены минимальные штрафы. «Да и не поймают» — еще аргумент, и он в точку, ведь инспекторов, охраняющих заповедник, недостаточно, на каждого приходится по тысяче гектаров.
Получается, что и «кнут» слабоват для устойчивого развития, и «пряников» нет в виде финансовых стимулов сохранения леса. Вот и вносят дровосеки и иже с ними свой вклад в деградацию лесных экосистем Кугитанга.

Однажды в Непале

Историю о лесе в Непале и тамошних «пряниках» я слышала от эксперта Всемирного банка несколько лет назад. Он рассказал о поддержке банком инициативы министерства сельского хозяйства горной страны по сохранению государственных лесов. Леса безжалостно вырубались. Проект предложил «пряники», чтобы крестьяне захотели увеличить площадь лесов. В ответ крестьяне пообещали не уничтожать молодые деревья, строго следовать указаниям лесников и вести лесопосадки. Их убедили преимущества при покупке продуктов и четверть суммы от заготовленного леса, которая стала поступать в непальскую деревню. Они захотели сохранить лес и приумножить. Сейчас как раз тот случай, чтобы сравнить непальскую ситуацию с нашей. Похожи. Но аналогичные стимулы для жителей буферной зоны Сурханский заповедник обеспечить не может. Сам он финансируется скудно — восемь-десять долларов на гектар. Из этой суммы на палатки и спальные мешки для инспекторов сложно что-либо выкроить. Что говорить о «пряниках» для десяти тысяч человек, соседствующих с ним.

Между тем без лесов земля деградирует. Микроавтобус замедляет ход и еле ползет мимо промоины в дороге. Чуть ли не треть ширины поглотил овраг. Мы выбираемся наружу

осмотреть яркий образец эрозии почвы. Голый склон разрезан дорогой, а внизу село. Были бы деревья, они держали бы почву корнями. Нет корней – обглоданный склон беззащитен перед ливнями и водяными потоками и грозит сползти вниз.
С изменением климата, предполагают метеорологи, доля дождевых осадков возрастет и процессы эрозии усилятся. Дождевых наводнений и селей станет больше, а снежных запасов меньше. Сейчас доля снежного покрова в формировании стока рек по территории Узбекистана составляет 60-75 процентов. На снежные запасы влияют и будут влиять не только потепление климата, но и сокращение лесов. Если бы был у горцев стимул сажать деревья…
Нам вспоминается собрание в Шалкане и идея местных жителей о создании консервного цеха по переработке фруктов. Представим: вот он открыт, фрукты перерабатываются, налажен сбыт и даже экспорт за границу. Сады приносят ощутимый доход. Местные жители сажают сады в горах, сокращая стада. Сады обеспечивают не только цех фруктами, но и печки сухостоем. А еще укрепляют почву и смягчают изменения климата. За чем дело стало? Кто-то должен проявить инициативу — то ли сами жители, то ли государство.

Шерджанские чинары

Экспедиция делает остановку, приближаясь к кишлаку Шерджан. Птичий гомон перекрывает звон ручьев. Прыгая через ручьи, спускаясь к речке ради ее прохлады, мы еще не ведаем, что именно тут находится главная достопримечательность — могучая чинара. Гадаем, сколько же ей лет — триста? Мирза Худояров, здешний аксакал, поправляет: «Лет ей не менее, чем кишлаку, — четыре-пять веков, а может, она и старше. Диаметр ствола больше знаменитой Сайрамской, про которую говорят, что тысячелетняя».
Таких же могучих здесь росло четыре дерева. Но пару лет назад одно спалили по недосмотру то ли паломники, то ли «дикие» туристы. Зашли в сердцевину — пустота в стволе была с небольшую комнату, зажгли свечи и ушли, оставив догорать. Мы тоже зашли из любопытства в сердцевину той, что приглянулась. Пахнуло вечностью. Она еще века простоит, если люди руки не приложат. Корни и ветки чинар-родоначальниц на триста метров вниз по ручью дали жизнь новым росткам, и из них выросла целая роща.
Шерджанцы, как и жители других кишлаков, тоже за развитие экологического туризма, но «чтобы приезжие природу не обижали». Не только чинарами гордятся. В панораме горных вершин они указывают на Арибака — «Отдельного дедушку». Названа гора так, потому, что самая высокая на Кугитангском хребте, — 3137 метров над уровнем моря.
Как жаль, что наше время ограничено и удается забраться лишь на ближайший «прилавок». Кишлак сверху виден как на ладони, он весь в зелени, а где-то среди садов желтеет поспевающая пшеница. Майсара, с которой знакомимся за околицей, только что

проводила на пастьбу несколько овец. Она и рада бы с нами поболтать немножко, но у женщин днем хватает дел, и из-за пшеницы тоже: «Хлопать надо целый день». «Это как?» — «В ладоши. Птицы чучел не признают, вот и приходится самим их отпугивать». То ли правда – то ли шутит?

То, что шерджанцы — шутники, убеждаемся во время интервью и съемок. Запечатлеваем на камеры, как ткут паласы, как вышивают, как изготавливают музыкальные инструменты, как играют на них. А потом хозяева настойчиво предлагают сфотографироваться всем вместе, на память. Фотографируемся.

Этот снимок рассматриваю на компьютере, пока пишу статью об экспедиции, вернувшись в Ташкент. Его же показала шерджанцам в окошке цифрового фотоаппарата и они одобрили: «Чиройли» — «Красиво».

Что касается красивого будущего заповедника, то другого они и не представляют. Общественное управление буферной зоной? Почему нет, когда такая зона будет юридически оформлена. Стимулы и «пряники»? Все «за». Суровая жизнь в горах.

Наталия ШУЛЕПИНА

«Зеркало XXI», 29.7.2010г.

Добро пожаловать на канал SREDA.UZ в Telegram

27.07.2010